

Психологическій вопросъ.

(По поводу послѣдней повѣсти Льва Толстаго „Крейцера соната“).

И все, что предъ собой онъ видѣлъ,
Онъ презиралъ иль ненавидѣлъ.

Лермонтовъ.

1.

Одинъ очень талантливый, хотя нѣсколько эксцентричный, русскій публицистъ замѣтилъ недавно, что дѣятельность Толстаго интересна не какъ пропаганда, а какъ *феноменологія духа* автора, т.-е. имѣетъ, слѣдовательно, не объективное и не общественное, а субъективное и чисто-психологическое значеніе.

Вотъ мнѣніе, съ которымъ было бы пріятно, но нѣтъ никакой возможности согласиться. Литературно-общественная критика могла бы оставаться совершенно спокойной, если бы имѣла увѣренность, что пропаганда Толстаго въ глазахъ общества не болѣе какъ курьезный психологическій «феноменъ», на который стоить посмотреть, но о которомъ не стоить серьезно разговаривать. Пусть Левъ Толстой продолжаетъ чудачествовать сколько ему угодно, пусть онъ засыплетъ насъ парадоксами и софизмами, — все это интересно, какъ зрѣлище, и, въ то же время, безвредно и даже полезно, какъ нѣкоторая тема для салоннаго или кабинетнаго разговора, какъ поводъ для упражненія нашихъ діалектическихъ способностей.

Дѣло, однако же, обстоитъ совсѣмъ иначе, и въ лицѣ Толстаго мы имѣемъ передъ собою явленіе гораздо болѣе серьезное, нежели отдѣльный индивидуальный мірокъ, съ его внутренними, душевными процессами. Человѣкъ такого колоссальнаго литературнаго таланта, какъ Толстой, не можетъ не производить на своихъ безчисленныхъ читателей самаго глубокаго впечатлѣнія, и вотъ первая причина, почему мы не можемъ относиться къ нему какъ къ курьезному, но безразличному психологическому раритету. Далѣе, дидактическій элементъ въ послѣднихъ произведеніяхъ Толстаго рѣшительно вытѣсняетъ собою основныя художественныя стихіи. Толстой является передъ нами теперь не психологомъ, какъ въ раннихъ своихъ произведеніяхъ, не аналитикомъ и не бытописателемъ, а проповѣдникомъ, ко-

торый говорить, какъ власть имѣющій, какъ человѣкъ, не ищущій вмѣстѣ съ нами истины, а уже нашедшій ее. Онъ требуетъ отъ насъ не вниманія, а повиновенія. Онъ, какъ когда-то Гоголь, презрительно смотритъ на свои прежнія произведенія, хотя именно они-то и создали ему всю его славу и весь его авторитетъ. Въ «послѣсловіи» къ *Крейцеровой сонатѣ* Толстой прямо заявляетъ: «Я никакъ не ожидалъ, что ходъ моихъ мыслей приведетъ меня къ тому, къ чему онъ привелъ меня. Я ужасался своимъ выводамъ, хотѣлъ не вѣрить имъ, но не вѣрить нельзя было. И какъ ни противорѣчатъ эти выводы всему строю нашей жизни, какъ ни противорѣчатъ тому, что я прежде думалъ и высказывалъ даже, я долженъ былъ признать ихъ». Дальше мы остановимся на этихъ «выводахъ», до того убѣдительныхъ, что имъ будто бы «нельзя не вѣрить», и до того новыхъ и смѣлыхъ, что они «противорѣчатъ всему строю нашей жизни». Пока мы подчеркиваемъ лишь то указаніе Толстого, что эти выводы противорѣчатъ прежнимъ его взглядамъ, насколько они выразились въ художественной дѣятельности знаменитаго романиста.

Это указаніе въ фактическомъ смыслѣ совершенно справедливо. Да, авторъ *Дѣтства и отрочества*, *Семейнаго счастья*, *Анны Карениной* и въ особенности *Войны и мира* училъ насъ не такъ и не тому, чему учить авторъ *Крейцеровой сонаты*. Мы помнимъ и никогда не забудемъ высоко-правдивые и художественные образы Левина и Кити, Пьера и Наташи, Николая Ростовцева и Марьи Болконской, картины ихъ жизни—не блестящей и заурядной, но исполненной *человѣческаго* содержанія, сцены и эпизоды ихъ любви, — не героической, не палящей, не африканской, но все же глубокой, искренней и надежной. Поддаваясь обаянію великаго таланта, мы относились къ этимъ типамъ, какъ къ живымъ и даже близкимъ намъ людямъ. Мы съ глубочайшею симпатіей слѣдили за возникновеніемъ и развитіемъ въ нихъ чистаго чувства любви другъ къ другу. Съ еще большею симпатіей, почти съ умиленіемъ, мы наблюдали, какъ подъ вліяніемъ этого чувства просвѣтлялись и одухотворялись нравственныя личности нашихъ героевъ и героинь, какъ постепенно спадала съ нихъ шелуха эгоизма и какъ быстро научались они находить свое благо въ самоограниченіи, свое счастье въ счастья любимаго человѣка. Въ этихъ людяхъ, взятыхъ художникомъ изъ толпы, мы, люди толпы, узнавали свои собственныя черты.

Въ *Крейцеровой сонатѣ* слышатся совсѣмъ иные мотивы. Это тяжелое, мрачное, *страшное* произведеніе, преисполненное злобы и човѣко-ненавистничества. Толстой могъ бы взять эпитафіомъ къ своей повѣсти вотъ эти стихи нѣкоторыхъ нашихъ сектантовъ:

Нѣсть спасенія въ мірѣ, нѣсть!
 Нѣсть и правды въ мірѣ, нѣсть!
 Лестъ одна лишь править, лестъ!
 Смерть одна спасти насъ можетъ, смерть!

Но и этотъ, недостаточно, кажется, выразительный эпитафіографъ характери-

зоваль бы только одну сторону повѣсти и, притомъ, высшую, лучшую, ту, въ которой выразилась *скорбь* Толстаго. Но, кромѣ этой скорби, достойной поэта и философа, въ повѣсти много озлобленія. Вотъ какъ, наприм., выражается герой повѣсти Позднышевъ о своей «преступной» женѣ: «Нѣтъ, это не человѣкъ! Это сука, это мерзкая сука! Рядомъ съ комнатою дѣтей, въ любви къ которымъ она притворялась всю свою жизнь. И писать мнѣ то, что она писала! И такъ нагло броситься на шею! Да что я знаю? можетъ быть, все время это такъ было. Можетъ быть, она давно съ лакеями прижила всѣхъ дѣтей, которыхъ считаютъ моими». Конечно, человѣку, находящемуся въ изступленіи, если и не простительно, то свойственно выражаться даже еще худшимъ языкомъ. Но гдѣ же художественная правда? Вспомните фабулу повѣсти: Позднышевъ рассказываетъ въ вагонѣ своему сосѣду исторію своей семейной драмы, когда все уже не только кончилось, но и былѣмъ поросло. Человѣкъ зарѣзалъ человѣка, — гораздо болѣе и хуже: *мужъ* зарѣзалъ свою *жену*, мать своихъ дѣтей, и, вспоминая о своей жертвѣ, давно лежащей въ землѣ, говоритъ: «сука! мерзкая сука!» Съ какимъ бѣшеннымъ звѣремъ послѣ этого слѣдуетъ сравнить его самого?

Но будемъ несправедливы къ Позднышеву: не отъ своего ума и не отъ своего чувства онъ расточаетъ свои ругательства на мертвую, зарѣзанную жену, а по авторскому хотѣнію и велѣнію. Позднышевъ — не человѣкъ, не личность, не типъ, а просто авторская маріонетка или, говоря другимъ сравненіемъ, телефонная проволока, соединяющая Толстаго съ его читателемъ. Это не Позднышевъ проклинаетъ свою невѣрную жену, это проклинаетъ Толстой всѣхъ насъ, весь родъ человѣческій, для котораго онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ пожелать ему поскорѣе исчезнуть съ лица земли. Вотъ это-то я и называю злобнымъ человѣконенавистничествомъ. Приведемъ подлинныя слова на этотъ счетъ Позднышева: «Зачѣмъ ему продолжаться, роду-то человѣческому? Зачѣмъ жить? Если нѣтъ цѣли никакой, если жизнь для жизни намъ дана, не зачѣмъ жить. И если такъ, то Шопенгауеры и Гартманы, да и всѣ буддисты — совершенно правы. Ну, а если есть цѣль жизни, то ясно, что жизнь должна прекратиться, когда достигнется цѣль. Такъ оно и выходитъ. Вы замѣтите, если цѣль человечества — благо, добро, любовь, какъ хотите; если цѣль человечества есть то, что сказано въ пророчествахъ, что всѣ люди соединятся воедино любовью, что раскуютъ копья на серпы и т. д., то, вѣдь, достиженію этой цѣли мѣшаетъ что? Мѣшаютъ страсти. Изъ страстей самая сильная, и злая, и упорная — половая плотская любовь, и потому если уничтожатся страсти, и послѣдняя, самая сильная изъ нихъ, плотская любовь, то пророчество исполнится, люди соединятся воедино, цѣль человечества будетъ достигнута и ему не зачѣмъ будетъ жить. Пока же человечество живетъ, передъ нимъ стоитъ идеаль, и, разумѣется, идеаль не кроликовъ или свиней, чтобы расплодиться какъ можно больше, и не обезьянъ или парижанъ, чтобы какъ можно утонченнѣе пользоваться удовольствіями половой страсти, а идеаль добра, достигаемый воздержаніемъ и чистотою. Къ нему

всегда стремились и стремятся люди. Родъ человѣческій прекратится? Да неужели кто-нибудь, какъ бы онъ ни смотрѣлъ на міръ, можетъ сомнѣваться въ этомъ? Вѣдь, это такъ же несомнѣнно, какъ смерть. Вѣдь, по всѣмъ ученіямъ церковнымъ придетъ конецъ міра и по всѣмъ ученіямъ научнымъ неизбѣжно то же самое».

Основная мысль повѣсти Толстаго заключается не здѣсь, не въ этомъ приглашеніи человѣческому роду прекратить свое существованіе, но и какъ побочный мотивъ это приглашеніе замѣчательно. *Въ этомъ случаѣ*, конечно, можно быть совершенно спокойнымъ относительно практическихъ результатовъ пропаганды Толстаго, все значеніе которой на этотъ разъ, дѣйствительно, исчерпывается отвлеченнымъ психологическимъ интересомъ. Родъ человѣческій не прекратится въ угоду Толстому, но какими путями гуманный человѣкъ и высокоталантливый писатель пришелъ къ желанію, достойному какого-нибудь Лойолы или Калигулы? Я говорю къ *желанію*, а не къ *убѣжденію*, и тѣмъ болѣе не къ *идеалу*, потому что тѣ соображенія и доводы, которые выдвигаетъ Толстой, въ теоретическомъ смыслѣ не стоятъ ровно ничего и никого убѣдить не могутъ. Родъ людской долженъ прекратиться, всѣ церковныя и всѣ научныя ученія подтверждаютъ это. *Слѣдовательно*, — заключаетъ Толстой, — роду человѣческому не зачѣмъ продолжаться и чѣмъ скорѣе онъ прекратится, тѣмъ лучше. Руководствуясь тою же логикой, мы можемъ разсудить такимъ образомъ: Позднышевъ — человѣкъ, — слѣдовательно, Позднышевъ смертенъ; а если онъ смертенъ, то ему не зачѣмъ жить и гораздо лучше умереть поскорѣе.

Позднышевъ, однако, прелюбопытно живетъ и, отнявши жизнь у подобнаго себѣ человѣка, отнюдь не думаетъ наложить руки на свою драгоценную особу. Но посмотримъ на его дальнѣйшіе доводы. Почему, если «цѣль человѣчества будетъ достигнута», то «ему не зачѣмъ будетъ жить»? А жизнь для наслажденія достигнутымъ? Перенесите логику Позднышева опять на явленія индивидуальной жизни и ея нелѣпость сразу обнаружится. Каждый человѣкъ, сознательно или безсознательно, ставитъ передъ собою извѣстную цѣль, къ которой и стремится по мѣрѣ своихъ силъ, но неужели же, приближаясь къ своей цѣли, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, постепенно утрачиваетъ право на существованіе, а овладѣвши своею цѣлью, тѣмъ самымъ подписываетъ себѣ смертный приговоръ? Не будемъ настаивать на томъ, что «жизнь для жизни намъ дана», хотя настаивать на этомъ мы имѣли бы полное право. Допустимъ, вмѣстѣ съ Толстымъ, что у человѣчества, также какъ и у отдѣльныхъ личностей, есть предустановленныя цѣли и задачи, для разрѣшенія которыхъ они собственно и вызваны изъ мрака небытія. Какимъ логическимъ путемъ дойдемъ мы отсюда до вывода, что человѣчество, или народъ, или личность, исполнивши свою предопредѣленную миссію, фатально обязаны обратиться въ то же небытіе? Этотъ выводъ не только произволенъ, но и безчеловѣченъ, и, кромѣ того, неразуменъ, потому что въ самомъ корнѣ подрѣзываетъ нашу жизнеспособность и нашу энергію. Стоитъ жить, стремиться, трудиться, бороться, если въ перспек-

тивъ только уничтоженіе! И что такое наши мысли и мечты о какомъ-то своемъ «достоинствѣ», если мы и въ массѣ, и въ отдѣльности хуже и меньше, чѣмъ пушечное мясо, простыя пѣшки и шашки, передвигающіяся съ клѣтки на клѣтку по чьей-то таинственной волѣ? Мы смиренно отступаемъ передъ непостижимымъ и безконечнымъ, сознавая тутъ всю слабость и ограниченность нашего разума, но у себя на землѣ, въ предѣлахъ своего короткаго существованія, мы хотимъ сознательности, ищемъ самостоятельности, желаемъ *ставить себя цѣли* по своему разумѣнію и идти къ нимъ по своей свободной волѣ. Быть можетъ, все это только иллюзія, но иллюзія, безъ которой нельзя жить,—иллюзія, уничтожить которую значитъ опустошить весь нравственный міръ нашъ, разрушить основу всѣхъ идеаловъ нашихъ.

Позднышевъ смотритъ съ иной точки и видитъ вещи подъ инымъ угломъ. Что,—спрашиваетъ онъ,—мѣшаетъ людямъ достичь ихъ послѣдней цѣли—любовнаго, братскаго единенія между собою? И отвѣчаетъ: страсти. Однако, всякія есть страсти, какъ всякіе есть и люди,—чистыя и нечистыя, благородныя и неблагородныя, способствующія общей цѣли и мѣшающія ей. Этого различія для Позднышева не существуетъ. По его мнѣнію, *всякая* страсть есть помѣха, такъ что способными къ единенію людьми являются въ его представленіи какія-то странныя, фантастическія, безтѣлесныя существа, не имѣющія ни стремленій, ни желаній, ни потребностей. Да, *ни желаній, ни потребностей*, потому что желанія и потребности, взятые въ отдѣльности, есть именно тотъ эмбрионъ, изъ котораго при соответствующихъ условіяхъ развивается та или другая *страсть*. «Изъ страстей,—продолжаетъ Позднышевъ,—самая сильная и злая, и упорная—половая, плотская любовь и потому (и потому!), если уничтожатся страсти, и послѣдняя, самая сильная изъ нихъ, плотская любовь, то пророчество исполнится, люди соединятся воедино, цѣль человечества будетъ достигнута и ему не за чѣмъ будетъ жить». Это, дѣйствительно, «феноменально»! Что тутъ сказать, какъ тутъ возражать? *Если уничтожатся страсти*, но, вѣдь, тогда уничтожатся и люди! Толстой именно этого и желаетъ, но онъ желаетъ уничтоженія людей посредствомъ уничтоженія въ нихъ страстей, мы же говоримъ, что умерщвленіе человѣческихъ страстей возможно лишь при поголовномъ умерщвленіи всѣхъ людей. «Страсти» по отношенію къ человѣку (и даже по отношенію ко всякому живому существу) не есть что-нибудь внѣшнее, искусственно привитое къ нему, это одни изъ основныхъ элементовъ его личности, это содержаніе его нравственности, это импульсы его жизни и дѣятельности, это онъ самъ, какъ характеръ, какъ духъ, какъ воля. Если вы уничтожите въ человѣкѣ только половую страсть, вы превратите его въ вялаго каплуна; но если вы уничтожите въ немъ *всѣ* страсти, вы уничтожите всю его личность. Хотѣнія, желанія, стремленія, страсти человѣка тѣснѣйшимъ образомъ слиты и спаяны съ его физическою организациею и уничтожить ихъ можно только разрушивши эту организацію. Единеніе, проповѣдуемое Толстымъ, есть единеніе смерти, единеніе кладбища. На кладбищѣ, дѣйствительно, всѣ объединены и уравнены, никому ничего

не надо и ничего не жаль, нѣтъ ни любви, ни ненависти, ни ревности, ни зависти, ни честолюбія, ни корыстолюбія, ни эгоизма, ни альтруизма, ни грѣха, ни подвиговъ... И такой - то идеалъ поставляетъ передъ нами «великій писатель земли Русской»!

Проповѣдь аскетизма не разъ слышали и не разъ еще услышать люди, но никогда и никѣмъ аскетическія требованія не доводились до такой крайности, какъ Толстымъ. Дальше идти некуда, не зачѣмъ да и некому. Смертный покровъ гигантскимъ саваномъ покрываетъ собою все когда-то жившее на землѣ и царствію аскетическаго идеала не видно конца... Тому ли училъ и то ли общалъ намъ Христосъ, тотъ Христосъ, имя котораго безпрестанно призываетъ всеу Толстой? Онъ общалъ намъ вѣчную жизнь, а не вѣчную смерть, Онъ являлся для нашего искупленія, а не для нашего уничтоженія, Онъ призывалъ всѣхъ *труждающихся и обремененныхъ* для того, чтобы *успокоить* ихъ, успокоить не смертью, а просвѣтленною жизнью. Не въ подавленіи страстей, а въ ихъ облагороженіи и очищеніи заключается нравственная цѣль человѣчества. Проповѣдникъ единоличнаго, уединеннаго нравственнаго самосовершенствованія, Левъ Толстой, очевидно, разочаровался въ возможности дойти этимъ путемъ до осуществленія хоть въ слабой степени нравственнаго идеала и въ результатѣ этого разочарованія — отчаяніе, а въ результатѣ отчаянія — проповѣдь самоуничтоженія. Но мы хотимъ жить, *то - есть* наслаждаться, *то - есть* не подавлять, а разумно удовлетворять свои страсти, безъ вреда другимъ и, значить, безъ раскаянія. Найти формы жизни, которыя бы представляли къ этому наибольшую возможность и наибольшій просторъ, — вотъ наша ближайшая историческая задача. Рѣшена она можетъ быть, очевидно, не единоличными усиліями чьего бы то ни было ума, не подъ сѣнью струй, не въ кельѣ подъ елью, а коллективнымъ умомъ и опытомъ, не на психологической только, а на соціальной почвѣ. Иллюстрируемъ дѣло примѣромъ, взятымъ изъ той же (тринадцатой) части *Сочиненій* Толстаго, въ которой помѣщена *Крейцерова соната*. Въ статьѣ *Для чего люди одурманиваются* Толстой даетъ мѣткій и глубокій, хотя неполный отвѣтъ: для заглушенія своей совѣсти *). Но, спрашивается, какъ же умиротворить совѣсть этихъ людей? Пусть совершенствуются, пусть оставляютъ курить и пить, — отвѣчаетъ Толстой, какъ чистокровный моралистъ - индивидуалистъ. Мы рассуждаемъ иначе. Не потому люди болѣютъ и мятутся совѣстью, что пьютъ и курятъ, а, наоборотъ, потому пьютъ и курятъ, что ихъ совѣсть неспокойна. А неспокойна ихъ совѣсть въ силу внѣшнихъ

*) Къ слову сказать, мысль Толстаго относительно этого вопроса осталась совершенно непонятою, по крайней мѣрѣ, въ нашей журналистикѣ. Толстой не то хотѣлъ сказать, что пьютъ и курятъ люди по преимуществу безсовѣстные, а, наоборотъ, по преимуществу совѣстливы. Для человѣка безсовѣстнаго, наприм., несправедливо - высокая оцѣнка его труда будетъ предметомъ гордости и самодовольства, а для человѣка съ чуткою совѣстью — предметомъ тяжелыхъ угрызений, отъ которыхъ, какъ отъ физической боли, чѣмъ бы ни избавиться, лишь бы избавиться.

явленій и вѣншихъ условій, которыя, стало быть, и требуютъ, прежде всего, воздѣйствія въ смыслѣ такого устройства и урегулированія ихъ, чтобы они не оскорбляли собою даже людей съ наиболѣе широкими нравственными требованіями. Теперь, надѣюсь, разница между этими двумя основными точками зрѣнія ясна до осязательности.

Въ *Крейцеровой сонатѣ* Толстой имѣетъ ближайшею цѣлью дискредитировать только одну страсть, по его выраженію, «самую сильную, и злую, и упорную», страсть половую, а также и тѣ формы, въ которыхъ она выражается и которыми санкціонируется. Посмотримъ.

II.

Какъ искусный и опытный художникъ, Толстой не съ разу посвящаетъ читателя во всѣ тайны и красоты позднышевскихъ воззрѣній. Прежде чѣмъ предоставить Поздышеву разыграть свою «сонату», Толстой исполняетъ нѣкоторую прелюдію, которая извѣстнымъ образомъ подготавливаетъ, настраиваетъ читателя. Прелюдія эта—разговоръ, происходящій въ вагонѣ между пассажирами—имѣетъ для критики значеніе документа, который она должна представить на судъ читателя, какъ своего рода «вещественное доказательство». Съ этого мы и начнемъ:

— Бывало, сударь, и прежде, только меньше,—сказалъ купецъ.—По нынѣшнему времени нельзя этому не быть. Ужъ очень образованы стали.

— Да чѣмъ же худо образованіе?—чуть замѣтно улыбаясь, сказала дама.—Неужели же лучше такъ жениться, какъ встарину, когда женихъ и невѣста и не видали даже другъ друга,—продолжала она, по привычкѣ многихъ дамъ, отвѣчая не на слова своего собесѣдника, а на тѣ слова, которыя она думала что онъ скажетъ.

— Не знали, любить ли, могутъ ли любить, а выходили за кого попало, да всю жизнь и мучались; такъ по-вашему это лучше? — говорила она, очевидно, обращая рѣчь ко мнѣ и къ адвокату, но менѣе всего къ старику, съ которымъ говорила.

— Ужъ очень образованы стали,—повторилъ купецъ, презрительно глядя на даму и оставляя ее вопросъ безъ отвѣта.

— Желательно бы знать, какъ вы объясняете связь между образованіемъ и несогласіемъ въ супружествѣ,—чуть замѣтно улыбаясь, сказалъ адвокатъ.

Купецъ что-то хотѣлъ сказать, но дама перебила его.

— Нѣтъ, уже это время прошло,—сказала она. Но адвокатъ остановилъ ее.

— Нѣтъ, позвольте мнѣ выразить свою мысль.

— Глупости отъ образованія,—рѣшительно сказалъ старикъ.

— Вѣдь, это только животныхъ можно спаривать, какъ хозяинъ хочетъ, а люди имѣютъ свои склонности, привязанности, — очевидно, желая уязвить купца, говорила дама.

— Напрасно такъ говорите, сударыня,—сказалъ старикъ,—животное—скоть, а человѣку данъ законъ.

— Ну, да какъ же жить съ человѣкомъ, когда любви нѣтъ?—все торопилась дама высказать свои сужденія, которыя, вѣроятно, ей казались очень новыми.

— Прежде этого не разбирали,—внушительнымъ тономъ сказалъ старикъ,—нынче только завелось это. А въ женщинѣ первое дѣло—страхъ долженъ быть.

— Какой же страхъ?—спросила дама.

— А такой: да бояться своего му-у-ужа! Вотъ какой страхъ.

— Ну, ужь это, батюшка, время прошло, — даже съ нѣкоторою злобой сказала дама.

— Нѣтъ, сударыня, этому времени пройти нельзя. Какъ была она, Ева, женщина, изъ ребра мужнина сотворена, такъ и останется до скончанія вѣка, — сказалъ старикъ, такъ строго и побѣдительно тряхнувъ головой, что прикащикъ тотчасъ же рѣшилъ, что побѣда на сторонѣ кунца, и громко засмѣялся.

Нѣсколько маленькихъ штриховъ и словечекъ, инкрустированныхъ Толстымъ какъ будто случайно, придаютъ этой сценѣ особый характеръ, сообщаютъ ей тотъ тонъ, который *fait la musique*. «Дама» отвѣчаетъ *«не на слова своего собесѣдника, а на тѣ слова, которыя она думала что онъ скажетъ»*; она же *«торопилась высказывать свои сужденія, которыя, вѣроятно, ей казались очень новыми»*; она же, далѣе, *«чувствовала себя подавленной»*. Бѣдная, глупая дама! Съ другой стороны, «купецъ» смотритъ на даму *«презрительно»*; говоритъ онъ — *«рѣшительно»* и *«внимательнымъ тономъ»*; заключаетъ онъ разговоръ *«строго и побѣдительно»*. Степенный, почтенный, умный купецъ! Эта коварная антитеза понадобилась Толстому, очевидно, затѣмъ, чтобы поколебать въ нашемъ сознаніи авторитетность обычныхъ нашихъ понятій по разбираемому вопросу и такимъ образомъ расчистить почву для позднышевской пропаганды. Вѣдь, глупая дама (она дѣйствительно глупа, потому что вступаетъ въ серьезные теоретическія препирательства съ лабазникомъ) выражаетъ какъ разъ тѣ взгляды, которые преобладаютъ въ образованныхъ слояхъ, такъ что ея пораженіе есть, въ сущности, наше пораженіе. Образование—дѣло не худое, спаривать людей какъ животныхъ—нехорошо, нельзя жить съ человекомъ, когда любви нѣтъ, жена вовсе не обязана питать страхъ къ своему мужу и т. д., — все это мысли, давно сдѣлавшіяся достояніемъ почти всѣхъ образованныхъ людей. «Дама» Толстаго формулируетъ эти мысли совершенно правильно, и если купецъ одержалъ надъ нею такую блестящую побѣду, то благодаря лишь силѣ своего послѣдняго аргумента, на который дѣйствительно нѣтъ возраженій: такъ какъ первая женщина сотворена изъ ребра перваго мужины, то и т. д.

Было бы, разумѣется, очень желательно, чтобы Толстой отнесся внимательнѣе къ отрицательной сторонѣ своей задачи, т.-е. къ опроверженію установившихся у насъ взглядовъ. Поручать такое серьезное дѣло какому-то «купцу», можетъ быть, и удобно, но легкомысленно и не убѣдительно. Для прикащика, который, вѣроятно, былъ еще глупѣе купца, побѣдительный тонъ послѣдняго являлся самымъ важнымъ доказательствомъ его правоты, но, вѣдь, мы не прикащики и намъ хотѣлось бы, чтобы съ нами спорили серьезно. Пусть взгляды «дамы» или, что то же, наши взгляды на любовь, на бракъ, на взаимныя права и отношенія мужа и жены «очень не новы», какъ язвительно подчеркиваетъ Толстой: надо доказать, что они невѣрны. Толстой не только не доказалъ этого въ своей прелюдіи, но и не пытался доказать, ограничившись высокоумною ироніей, такъ что мы совершенно спокойно остаемся на своихъ прежнихъ позиціяхъ. Да, если нѣтъ любви другъ къ другу, не стоитъ жить другъ съ другомъ:

да, любовь и освящающій ее бракъ есть дѣло свободнаго выбора и «спаривать людей» не слѣдуетъ; да, семья, основанная на чувствѣ страха къ своему главѣ, есть семья уродливая и несчастная. Все это, быть можетъ, очень наивно, но что это ошибочно, повторяю,—это нужно еще доказать, а не принимать, какъ Толстой, за доказанное. «Прелюдія» Толстаго рассчитана только на то, чтобы произвести нужное впечатлѣніе на читателя, и этой цѣли она на первое время достигаетъ; но это успѣхъ памфлета, а не серьезнаго художественнаго произведенія.

Расчистивши себѣ такимъ простымъ способомъ дорогу, Толстой, устами Позднышева, начинаетъ развивать свои положительныя воззрѣнія на вопросъ. Въ разговоръ пассажировъ вмѣшивается Позднышевъ:

«— Какая же это любовь... любовь... освящаетъ бракъ?—сказалъ онъ, заминаясь.

«— Истинная любовь... Есть эта любовь между мужчиной и женщиной, возможенъ и бракъ,—сказала дама.

«— Да-съ; но что разумѣть подъ любовью истинной?—неловко улыбаясь и робѣя, сказалъ Позднышевъ.

«— Всякій знаетъ, что такое любовь,—сказала дама, очевидно, желая прекратить съ нимъ разговоръ.

«— А я не знаю. Надо опредѣлить, что вы разумѣете...

«— Какъ? очень просто,—сказала дама, но задумалась.—Любовь? Любовь есть исключительное предпочтеніе одного или одной передъ всѣми остальными,—сказала она.

«— Предпочтеніе на сколько времени: на мѣсяцъ, на два или на полчаса?—проговорилъ Позднышевъ и засмѣялся.

«— Нѣтъ, позвольте, вы, очевидно, не про то говорите.

«— Нѣтъ-съ, я про то самое.

«— На сколько времени?—надолго, на всю жизнь иногда,—сказала дама, пожимая плечами.

«— Да, вѣдь, это только въ романахъ, а въ жизни никогда. Въ жизни бываетъ это предпочтеніе одного передъ другими на годы, что очень рѣдко, чаще на мѣсяцы, а то на недѣли, на дни, на часы,—говорилъ Позднышевъ, очевидно, зная, что онъ удивляетъ всѣхъ своимъ мнѣніемъ и довольный этимъ».

Бѣдная «дама» опять разбита на голову. На этотъ разъ, однако, и мы можемъ вмѣшаться въ разговоръ, потому что онъ происходитъ не съ лабазникомъ, а съ самимъ Позднышевымъ. Позднышевъ, очевидно, ловкій и опытный діалектикъ: онъ занялъ вскорѣ чрезвычайно выгодную позицію человѣка допрашивающаго, требующаго отъ своего оппонента общихъ опредѣленій. «Что разумѣть подъ любовью истинной?»—спрашиваетъ онъ и торжествуетъ, потому что отъ этого вопроса дама смѣшалась и «задумалась». Да какъ и не задуматься! Въ самомъ дѣлѣ, что такое истинная и что такое не истинная любовь, по какимъ признакамъ ихъ надо различать и гдѣ вообще объективный критерій для такого чувства, какъ любовь, чувства субъектив-

наго по преимуществу и даже капризнаго? Всякая любовь, какъ и всякое чувство, есть истинная, а потому есть только «искренняя» любовь: это доказывается просто самымъ фактомъ ея существованія. «Не искренняя» или «не истинная» любовь—это выраженія, не имѣющія смысла: если я симулирую любовь, значить, ея нѣтъ вовсе и, значить, нѣтъ надобности говорить въ этомъ случаѣ о любви, истинной ли, не истинной ли. Если же я люблю дѣйствительно, просто люблю, «безъ размышленій, безъ тоски, безъ думы роковой, безъ коварныхъ и пустыхъ сомнѣній», то никакіе Позднышевы въ мірѣ не увѣрятъ меня, что моя любовь «не истинная», какъ не увѣрятъ они меня въ томъ, что я сытъ, если я голоденъ. «Я чувствую любовь, слѣдовательно, люблю»,—можетъ сказать каждый влюбленный или просто любящій человѣкъ, перефразируя афоризмъ Декарта. Увѣряемъ господина Позднышева, что *веревка* не болѣе какъ *вервѣ простое*, и разсуждать тутъ не о чемъ. Если ужъ вы непремѣнно хотите имѣть въ рукахъ объективный критерій любви, то для практическихъ цѣлей довольно будетъ такого отрицательнаго принципа: кто резонируетъ о своей любви, старается анализировать всѣ ея оттѣнки и изгибы, тотъ—будьте увѣрены—понятія не имѣетъ о любви, именно симулируетъ ее, драпируется въ нее, интересуется ею. Не въ глубинѣ сердца, а на кончикѣ безкостнаго языка лежитъ такая «любовь», которую, все-таки, нѣтъ резона называть «не истинной», потому что, повторяю, тутъ нѣтъ *никакой* любви, а есть только фраза о любви: нелѣпо называть стулъ не настоящимъ, «не истиннымъ» стуломъ.

Растерявшаяся дама, уступая требованіямъ Позднышева, формулируетъ любовь такимъ образомъ: «любовь есть исключительное предпочтеніе одного или одной передъ всѣми остальными». Опредѣленіе недурно, какъ опредѣленіе, потому что даетъ нѣкоторое понятіе о сущности явленія, и, въ то же время, неудовлетворительно, потому что, какъ большинство общихъ опредѣленій, основывается на *одномъ частномъ признакѣ* сложнаго и почти безконечно разнообразнаго явленія. Многое множество людей могутъ сказать по поводу этого опредѣленія: помилуйте! Я люблю своего Ивана Петровича или Александру Сидоровну больше, чѣмъ кого бы то ни было на свѣтѣ, я *предпочитаю* жизнь съ Александрой Сидоровной жизни съ кѣмъ бы то ни было, но я не слѣпъ и не глупъ и вижу, знаю, что есть тысячи женщинъ, которыя и умнѣе, и образованнѣе, и красивѣе, и изящнѣе моей подруги. Вся штука въ томъ, что мнѣ на этихъ прелестнѣйшихъ женщинъ и глядѣть не хочется, а за мою Александру Сидоровну я съ наслажденіемъ жизнь отдамъ. Гдѣ же тутъ «исключительное предпочтеніе»? Это просто любовь, та любовь, которая, не мудрствуя лукаво, говоритъ: не по хорошу милъ, а по милу хорошъ. Это не *слѣпота* любви (напротивъ, нѣтъ чувства болѣе проникательнаго и чуткаго, чѣмъ любовь), это *великая тайна* любви,—тайна, хорошо извѣстная безчисленному множеству обыкновенныхъ людей и совершенно непостижимая для очень многихъ мудрецовъ. Кто любилъ или любить, тотъ знаетъ эту тайну, потому

что носить ее въ своемъ сердцѣ; кто только разсуждаетъ о любви, тотъ никогда не уразумѣетъ ее. Справьтесь объ этомъ хоть у Фауста.

Возвращаемся къ Позднышеву. Какъ истый метафизикъ любви, онъ немедленно привязывается къ опредѣленію, предложенному его собесѣдницей, и начинаетъ допрашивать опять: «Предпочтеніе на сколько времени: на мѣсяцъ, на два или на полчаса?» Вопросы такъ удачны, что Позднышевъ даже «засмѣялся», очевидно, отъ радостнаго самодовольства. Несчастный, выпотрошенный, опустошенный человѣкъ! Гоголевскій поручикъ Пироговъ былъ вдвое послѣдовательнѣе и даже благороднѣе его: «попользоваться насчетъ клубнички»,—такъ формулировалъ онъ свои попользованія и затѣмъ уже никакихъ «момо» не разводилъ, не говорилъ о *любви*, инстинктивно понимая, что это совсѣмъ не по его части. Позднышевъ смѣлѣе: онъ прямо спрашиваетъ — «любовь на сколько времени: на полчаса?» Отчего бы ужъ не спросить: «любовь за сколько рублей?» Тогда бы не было недоразумѣній и всякій бы понялъ, что именно Позднышевъ подразумѣваетъ подъ «любовью». Но за Позднышевымъ стоитъ не кто-нибудь, а «великій писатель земли Русской», и мы волей-неволей должны дать отвѣтъ. *На сколько времени*, спрашиваете вы? А вотъ на сколько:

Люби, покуда любится,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И—Богъ тебѣ судя!

«Это не отвѣтъ, а всего только стихи»,—скажете вы. Нѣтъ, это именно отвѣтъ, проще, яснѣе и, въ то же время, глубже котораго ничего нельзя придумать. «Хорошо,—продолжаете вы,—но если надо любить, *покуда* любится, то о чемъ же толковать? Мнѣ любится, терпится и прощается всего только на полчаса времени,—ну, и суди меня Богъ! Я именно о томъ и спрашиваю, въ какихъ предѣлахъ заключается ваше «покуда», и если вы желаете выяснитъ дѣло, а не увильнуть отъ него, то должны отвѣтить, прежде всего, на *этотъ* вопросъ».

Дѣлать нечего, постараемся отвѣтить. Начну нѣсколько издалека. Всѣ мы, кровные русскіе люди, каково бы ни было различіе между нашими *понятіями*, всѣ мы въ большей или меньшей степени любимъ свою родную страну—Россію. Мы любимъ ея природу,

Ея степей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ безбрежныхъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ.

Мы любимъ ея народъ, великаго «сѣятеля и хранителя» своей земли, и, кажется, тѣмъ больше любимъ, чѣмъ больше готовы бранить его. Какой странный вкусъ у насъ, подумаешь! Что хорошаго въ холодномъ молчаньи степей? Что такое колыханье безбрежныхъ еловыхъ и сосновыхъ лѣсовъ нашихъ въ сравненіи съ шумомъ лимонныхъ рощъ? И что такое самъ русскій народъ, который живетъ день за день вторую тысячу лѣтъ?... Такъ это

по разуму, но это не такъ по чувству, у котораго есть своя логика, продиктованная патриоту-поэту эти прелестные стихи:

Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль.

Пусть гдѣ-то тамъ, въ волшебномъ-прекрасномъ краю, лимонныя рощи шумятъ и золотомъ въ темной листьѣ померанцы горятъ: этотъ гармоническій шумъ не находитъ ни малѣйшаго отзвука въ нашей душѣ и въ этомъ все дѣло. Мы, частица одного великаго цѣлаго, настроены съ нимъ на одинъ ладъ, мы связаны съ нимъ тысячами нитей, наши воспоминанія, какъ и наши надежды, наши колыбели и могилы, — все это здѣсь, около насъ, болѣе того — это мы сами, во всей полнотѣ своего существованія.

Теперь представьте себѣ, что васъ спрашиваютъ: *на сколько времени вы намѣрены оказывать своей родинѣ предпочтеніе* передъ другими странами? Не торопитесь называть этотъ вопросъ безсмысленнымъ и отвѣчайте попрежнему: «люблю, *покуда* любится», *покуда* я чувствую и сознаю свою не только матеріальную, но и духовную связь съ своимъ отечествомъ. Если бы мои соотечественники поголовно превратились въ хищниковъ, въ Колупаевыхъ и Разуваевыхъ, если бы, вмѣсто безбрежныхъ лѣсовъ, очутились безчисленные пеньки, это значило бы, что и люди, и природа моей родины перестали существовать для меня. Чувство симпатіи, лежащее въ основѣ всякой любви, должно непрестанно поддерживаться и питаться, и если изсякаетъ источникъ этого питанія, замираетъ и самое чувство.

Всѣ эти соображенія всецѣло примѣняются и къ чувству личной или половой любви. Для Позднышева нѣтъ никакого различія между чувствомъ и чувственностью; онъ прямо заявляетъ, что «всякій мужчина испытываетъ то, что вы (т.-е. онъ, Позднышевъ) называете любовью, къ каждой красивой женщинѣ», и съ этой точки зрѣнія, конечно, можно говорить о любви на полчаса. Для насъ, людей хотя обыкновенныхъ, но не безнравственныхъ, не поручиковъ Пироговыхъ, это совершенно невозможно: симпатія, лежащая въ основѣ нашего чувства, обуславливается не быстро-преходящими требованіями нашего физическаго организма, а коренными свойствами нашего духа, которыя, конечно, тоже могутъ подлежать измѣненію и даже извращенію, но ужъ, разумѣется, не на протяженіе получаса, или мѣсяца, или даже года. И такъ, опять все тотъ же отвѣтъ на мнимосокрушительный вопросъ Позднышева:

Люби, покуда любится,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И—Богъ тебѣ судья!

Покуда и *пока*, т.-е. до тѣхъ поръ, *покуда* я самъ сохраняю въ себѣ тѣ душевныя свойства свои, изъ которыхъ возникла моя симпатія, а затѣмъ моя любовь и *пока* любимый мною человекъ сохраняетъ свои привлека-

тельные и дорогія для меня качества. А сохраняются ли эти качества — это уже другой вопросъ, не вопросъ любви, а вопросъ жизни. Мнѣ невольно припоминаются здѣсь мѣткія слова одного изъ простодушныхъ героевъ Глѣба Успенскаго, имѣющія самое близкое отношеніе къ нашему предмету: «Или опять дѣдушку вашего возьмемъ съ бабушкой. Дожили они до вѣку, до шестидесяти лѣтъ, и нѣтъ у нихъ другихъ словъ между собой, окромѣ ругательствъ... Покуда на чужое жили, покуда таскали ей дары, напимѣрь, она и мужа любила, и жила весело. Какъ чужой карманъ изъ рукъ ея выхватили, они врозь. И помянуть имъ на старости нечего! А кабы они своимъ трудомъ кусокъ-то брали, кабы въ однѣхъ оглобляхъ-то шли, небось бы нацѣлось, что въ эдакомъ преклонѣ вспомнать».

Скромный и сѣрый герой Успенскаго даетъ здѣсь великолѣпному Позднышеву прекрасный урокъ. *Идти въ однѣхъ оглобляхъ* — вотъ весь секретъ разумнаго семейнаго счастья, основаннаго на чувствѣ, а не на чувственности. Дѣлить другъ съ другомъ и горе, и радость, имѣть свое сердце всегда открытымъ передъ любимымъ человекомъ, за довѣріе платить довѣріемъ, его совѣстью провѣрять свою совѣсть — вотъ что значитъ *идти въ однѣхъ оглобляхъ*, по наивному, но мѣткому выраженію героя Успенскаго. Такъ только и стоитъ жить *человѣку* (не поручику Пирогову и не Позднышеву) и о такой жизни дѣйствительно будетъ чѣмъ и «въ преклонѣ вспомнать». И если вы къ *такой* четѣ обратитесь съ своимъ дерзкоциничнымъ вопросомъ: «на сколько времени вы сошлись другъ съ другомъ?» — она не пойметъ васъ, а если и пойметъ — пожалѣетъ.

«Да, вѣдь, это только въ романахъ, а въ жизни никогда, — настаиваетъ Позднышевъ. — Въ жизни бываетъ это предпочтеніе одного передъ другими на года, что очень рѣдко, чаще на мѣсяцы, а то на недѣли, на дни, на часы». Что тутъ сказать? Скептицизмъ Позднышева такъ же непоколебимъ, какъ былъ непоколебимъ скептицизмъ одной героини Салтыкова, которая говорила: «Правда ли, говорятъ, на небѣ солнце свѣтитъ? Такъ ли полно? Никакихъ я солнцевъ, живучи въ хлѣву, словно не видывала». Въ извѣстномъ смыслѣ героиня Салтыкова была права: конечно, какія же солнца въ хлѣвѣ! А, все-таки, на небѣ свѣтитъ яркое солнце и, несмотря ни на какія «торжествующія» отрицанія, все освѣщаетъ и все живетъ собою на землѣ, — за исключеніемъ такихъ закрытыхъ помѣщеній, какъ хлѣвъ, конюшня, погребъ. Прежде всего, что значать эти слова торжествующаго Позднышева: «вѣдь, это только въ романахъ, а въ жизни никогда»? Развѣ романъ — волшебная сказка, а не отраженіе жизни? Развѣ романисты сочиняютъ, а не списываютъ явленія? Мы, почитатели такого глубокаго и правдиваго реалиста, какъ авторъ романовъ *Война и миръ* и *Анна Каренина*, не можемъ позволить какому-нибудь полоумному клеветать на величайшій талантъ нашей художественной литературы. Неужели жива и сочинена хотя бы, напим., эта характеристика любви Николая Ростова къ своей некрасивой, не блестящей, неловкой женѣ: «ежели бы Николай могъ сознать свое чувство, то онъ нашелъ бы, что главное основаніе

его твердой, нѣжной и гордой любви къ женѣ имѣло основаніемъ всегда чувство удивленія передъ ея душевностью. Онъ гордился тѣмъ, что она такъ умна и хороша, сознавая свое ничтожество передъ нею въ мірѣ духовномъ, и тѣмъ болѣе радовался тому, что она съ своею душой не только принадлежала ему, но составляла часть его самого». Или неужели не преисполнена жизни и правды, хотя бы эта сцена свиданія Пьера съ Наташей послѣ шестинедѣльной разлуки: «Съ того самаго времени, какъ они остались одни, а Наташа съ широко-раскрытыми, счастливыми глазами подошла къ нему тихо, и вдругъ, быстро схвативъ его за голову, прижала ее къ своей груди и сказала: «Теперь весь, весь мой, мой! Не уйдешь!» — съ этого времени начался этотъ разговоръ, противный всѣмъ законамъ логики, противный уже потому, что, въ одно и то же время, говорилось о совершенно-различныхъ предметахъ. Это одновременное обсужденіе многого не только не мѣшало ясности пониманія, но, напротивъ, было вѣрнѣйшимъ признакомъ того, что они вполнѣ понимаютъ другъ друга. Какъ въ сновѣдѣніи все бываетъ невѣрно, бессмысленно и противорѣчиво, кромѣ чувства, руководящаго сновидѣніемъ, такъ и въ этомъ общеніи, противномъ всѣмъ законамъ разсудка, послѣдовательны и ясны нерѣчи, а только чувство, которое руководить ими».

Безсвязный и «бессмысленный» разговоръ свой съ мужемъ Наташа, точно предвидя появленіе скептическихъ господъ Позднышевыхъ, резюмировала такимъ образомъ: «Какія глупости,—вдругъ сказала Наташа,—медовый мѣсяцъ и что самое счастье въ первое время. Напротивъ, теперь самое лучшее». Кому вѣрить: Позднышеву или автору романа *Война и миръ*? Позднышевъ утверждаетъ, что взаимная любовь на всю жизнь такъ же невѣроятна, какъ невѣроятно, «чтобы въ возу гороха двѣ замѣченныя горошины легли рядомъ». Авторъ *Война и миръ* рисуетъ цѣлый рядъ совершенно обыкновенныхъ, нисколько не исключительныхъ людей, которые любятъ именно на всю жизнь, не вмѣняя себѣ этого ни въ особый подвигъ, ни въ особое счастье. И это естественно: для *вѣрности до гроби* (говоря стариннымъ выраженіемъ) не требуется никакихъ чрезвычайныхъ, героическихъ свойствъ, а нужна лишь такая степень нравственной чистоты и душевной прямоты, какой мы вправѣ ожидать отъ всякаго чловѣка.

Но Позднышевъ еще не сказалъ своего послѣдняго слова. «Вы все говорите про плотскую любовь. Развѣ вы не допускаете любви, основанной на единствѣ идеаловъ, на духовномъ сродствѣ?—сказала дама.

«— Духовное сродство! Единство идеаловъ!—повторилъ Позднышевъ.— Но въ такомъ случаѣ не зачѣмъ спать вмѣстѣ (простите за грубость). А то вслѣдствіе единства идеаловъ люди ложатся спать вмѣстѣ, — сказалъ Позднышевъ и нервно засмѣялся».

Очень сильно сказано!... «Грубость» выраженія простить можно, но какъ простить эту грубость чувства и эту извращенность логики? Разумѣется, если рѣчь идетъ о любви «на полчаса», нелѣпо говорить о

«единствѣ идеаловъ». Съ другой стороны, «единство идеаловъ», т.-е. теоретическая, партійная солидарность, вовсе не обязываетъ единомыслящихъ мужчину и женщину «спать вмѣстѣ». Все это одинаково вѣрно и одинаково къ дѣлу не идетъ. Сближеніе «на полчаса» не есть любовь, точно также какъ солидарность воззрѣній можетъ послужить, а можетъ и не послужить почвою для любви. Позднышевъ не разбираетъ, а, такъ сказать, разругиваетъ вопросъ о личной любви. Онъ непременно хочетъ усмотрѣть въ любви или только физическое, или только духовное общеніе, и начинаетъ браниться, какъ только ему указываютъ, что особенность и вся прелесть любви состоитъ именно въ соединеніи этихъ двухъ элементовъ нашей жизни. Повѣрить онъ этому не можетъ, потому что судить по себѣ, а себя считаетъ нормальнымъ человѣкомъ и свою семейную исторію—обыкновенною исторіей.

III.

«Жилъ я до женитьбы, какъ живутъ всѣ, т.-е. въ нашемъ кругу». Такъ начинаетъ Позднышевъ свою исторію. Любопытно и очень важно выяснить, прежде всего, что слѣдуетъ подразумѣвать подъ «нашимъ кругомъ»? Есть «круги», до которыхъ *обществу* очень мало дѣла. «Я помѣщикъ и кандидатъ университета, и былъ предводителемъ»,—рекомендуется Позднышевъ. Узнавши это, мы начинаемъ успокоиваться,—очевидно, Позднышевъ самъ по себѣ, а мы тоже сами по себѣ. Въ качествѣ «кандидата университета» Позднышевъ, конечно, принадлежитъ къ интеллигенціи; но въ качествѣ богатаго помѣщика (бѣдныхъ помѣщиковъ не выбираютъ въ предводители) онъ принадлежитъ къ численно-ничтожному меньшинству матеріально обеспеченныхъ людей. Изъ признаній—прямыхъ и косвенныхъ—самого Позднышева видно, что эта обеспеченность, какъ оно и естественно, наложила извѣстный отпечатокъ на его нравственную и умственную жизнь. Позднышевъ идетъ въ этихъ признаніяхъ такъ далеко, что свою «любовь» и послѣдовавшую за нею женитьбу объясняетъ праздною и избыткомъ питанія. Онъ говоритъ: «Мы, поѣдающіе по 2 ф. мяса, и дичи, и рыбы, и всякія горячительныя яства и напитки,—куда это идетъ? На чувственные эксцессы. И я влюбился, какъ всѣ влюбляются. Въ сущности же, эта моя любовь была произведеніемъ избытка поглощавшейся мной пищи при праздной жизни». Послѣ этого откровеннаго признанія мы окончательно получаемъ право смотрѣть на Позднышева со стороны, хладнокровно *наблюдать* его, безъ опасеній за себя, безъ тревоги за общество, за интеллигенцію въ ея массѣ. Позднышевъ, по пословицѣ, съ жиру сбѣсился,—ну, а нашей интеллигенціи, по другой пословицѣ, не до жиру, а быть бы только живу. Позднышевъ не знаетъ, куда дѣвать свои досуги; мы не знаемъ, откуда взять досуга. Позднышевъ отъ нечего дѣлать культивируетъ «науку страсти нѣжной», какъ отъ нечего же дѣлать и женится, а мы, которымъ бабушка не ворожить, смотримъ на любовь и на возможность брака, какъ

на свою побѣду надъ жизнью, а до тѣхъ поръ утѣшаемъ себя тѣмъ, что одна голова не бѣдна, а и бѣдна, такъ одна.

Въ такомъ же точно свѣтѣ представляетъ Позднышевъ и женщинъ,—не тѣхъ женщинъ, которыхъ мы знаемъ и съ которыми мы водимся, а тѣхъ, которыхъ онъ знаетъ и ему подобные водятся. «Женщины, — говоритъ Позднышевъ, — знаютъ очень хорошо, что самая возвышенная, поэтическая, какъ мы ее называемъ, любовь зависитъ не отъ нравственныхъ достоинствъ, а отъ физической близости и, притомъ, прически, цвѣта, покроя платья. Скажите опытной кокеткѣ, задавшей себѣ задачу плѣнить человѣка, чѣмъ она скорѣе хочетъ рисковать: тѣмъ, чтобы быть въ присутствіи того, кого она прельщаетъ, избалованной во лжи, жестокости, даже распутствѣ, или тѣмъ, чтобы показаться при немъ въ дурно сшитомъ и некрасивомъ платьѣ, — всякая всегда предпочтетъ первое. Она знаетъ, что нашъ братъ все вретъ о высокихъ чувствахъ, ему нужно только тѣло, и потому онъ проститъ все гадости, а уродливаго, безвкуснаго, дурнаго тона костюма не проститъ. Оттого эти джерси мерзкіе, эти турнюры, эти голыя плечи, руки, почти груди. Вѣдь, если откинуть только ту привычку къ этому безобразію, которая стала для насъ второю природою, и взглянуть на жизнь нашихъ высшихъ классовъ, какъ она есть, со всею ея безстыдствомъ, — вѣдь, это одинъ сплошной домъ терпимости».

Все это очень любопытно и въ нѣкоторомъ отношеніи, наприм., съ точки зрѣнія общественной патологіи, даже поучительно. Не спрашивайте Позднышева: «съ кого онъ портреты пишетъ? Гдѣ разговоры эти слышитъ?» Онъ пишетъ эти портреты съ себя и съ своей невѣсты или жены, а разговоры эти онъ слышитъ въ своемъ «кругу». Позднышеву въ этомъ случаѣ и книги въ руки. Но какъ все это странно, дикинно, неожиданно! Разсказъ Позднышева мы читаемъ почти съ такимъ же чувствомъ недоумѣчиваго изумленія, съ какимъ читаемъ повѣствованія Стэнли о нравахъ и обычаяхъ какого-нибудь средне-африканскаго племени. Неужели у нихъ женщина скорѣе согласится быть избалованной въ распутствѣ, нежели явится въ дурно сшитомъ платьѣ? Ну, понятія! Неужели ихъ жизнь напоминаетъ домъ терпимости? Ну, правы! Будемъ надѣяться, что Позднышевъ полемически увлекается въ своихъ самообличеніяхъ, а то, вѣдь, даже вчужѣ совѣстно.

Теперь пусть читатель вообразить, что могло выйти, когда мужчина, который «готовъ простить все гадости, но не проститъ безвкуснаго, дурнаго тона костюма», женился на женщинѣ, которой легче «быть избалованной во лжи, въ распутствѣ, нежели показаться въ дурно сшитомъ и некрасивомъ платьѣ». Казалось бы, должно выйти очень гладко и хорошо, по крайней мѣрѣ, по вѣнжности: онъ стоитъ ея, а она стоитъ его. Пусть только костюмъ ихъ будетъ всегда безукоризненъ и манера изящна, вѣдь, для счастья, по ихъ же собственной логикѣ, ничего больше и не требуется. Но Позднышевъ на первыхъ же порахъ, еще женихомъ, оказался слишкомъ требовательнымъ, т.-е. непослѣдовательнымъ. «Какая гадость! — воскли-

наетъ онъ.—Вѣдь, подразумѣвается любовь духовная, а не чувственная. Ну, если любовь духовная, духовное общеніе, то словами, разговорами должно бы выразиться это духовное общеніе. Ничего же этого не было. Говорить бывало, когда мы остаемся одни, ужасно трудно. Какая-то это была Сизифова работа. Только выдумашь, что сказать, скажешь, опять надо молчать, придумывать. Говорить не о чемъ было». Скажите, пожалуйста, какія претензіи! Человѣкъ, по собственному разсказу, женился на дѣвушкѣ только потому, что «держся былъ ей особенно къ лицу, также и локоны, и послѣ проведеннаго въ близости съ нею дня захотѣлось еще болѣе близости» и послѣ этого осмѣливается претендовать на какую-то духовную любовь! На держся женился—держся и получай, и не требуй отъ держся разговоровъ! Если бы невѣста вышла къ своему жениху въ какомъ-нибудь безобразномъ капотѣ, безъ корсета, не причесанная, тогда иное дѣло. Позднышевъ былъ бы въ правѣ претендовать. Но, конечно, этого не было и будущая м-ше Позднышева въ свои атуры и турниры содержала въ совершенномъ порядкѣ. Что же еще нужно было Позднышеву?

Само собою разумѣется, что брачная жизнь этихъ странныхъ существъ пошла такъ, какъ и слѣдовало ожидать. Позднышевъ съ ужасомъ и съ удивленіемъ разсказываетъ о ссорахъ и неладахъ, возникшихъ у него съ женой въ первые же дни ихъ супружества: «сколько я ни старался устроить себѣ медовый мѣсяцъ, ничего не выходило. Все время было гадко, стыдно и скучно. Но очень скоро стало еще мучительно тяжело. Началось это очень скоро. Кажется, на 3-й или 4-й день я засталъ жену скучною, сталъ спрашивать, о чемъ, *стала обнимать ее, что, по-моему, было все, чего она могла желать*, а она отвела мою руку и заплакала». Произошло такъ называемое объясненіе. «Она сказала мнѣ, что видитъ, что я не люблю ее. Я упрекнулъ ее въ капризѣ и вдругъ лицо ея совсѣмъ измѣнилось, вмѣсто грусти, выразилось раздраженіе и она самыми ядовитыми словами начала упрекать меня въ эгоизмѣ и жестокости. Я взглянулъ на нее. Все лицо ея выражало полнѣйшую холодность и враждебность, ненависть почти ко мнѣ. Помню, какъ я ужаснулся, увидавъ это. Какъ? что?—думалъ я.—*Любовь—союзъ душъ, и, вмѣсто этого, вотъ что!*» Сопоставьте подчеркнутыя мною фразы и подивитесь послѣдовательности Позднышева! Этотъ взрослый и образованный человѣкъ разсуждаетъ, какъ дитя. Съ одной стороны, онъ слыхалъ и твердо запомнилъ, что «любовь—союзъ душъ». Съ другой стороны, онъ убѣжденъ, что объятія—это «все, чего могла желать» жена отъ мужа.

Вся бѣда Позднышева въ томъ, что онъ человѣкъ не цѣльный, а половинчатый, человѣкъ, котораго влекутъ въ одну сторону его привычки и привитыя понятія, а въ другую, противоположную сторону онъ склоняется въ силу извѣстныхъ идей и принциповъ, извѣстныхъ ему, какъ интеллигентному человѣку, и, кромѣ того, въ силу своей доброй, хотя и испорченной натуры. Колебанія и противорѣчія Позднышева живѣйшимъ образомъ напоминаютъ колебанія Иртеньева, героя повѣсти *Юность*, который

никакъ не могъ попросту сойтись съ своими товарищами-студентами. «Я колебался, съ одной стороны, между уваженіемъ къ нимъ, къ которому располагали меня ихъ знанія, простота, честность и поэзія молодости, и удалъство, съ другой стороны, между отталкивающимъ меня ихъ непорядочною вѣшностью. Несмотря на все желаніе, мнѣ было въ то время буквально невозможно сойтись съ ними. Наше пониманіе было совершенно различно. Была бездна оттѣнковъ, составлявшихъ для меня всю прелесть и весь смыслъ жизни, совершенно непонятныхъ для нихъ, и наоборотъ. Но главною причиною невозможности сближенія были мое двадцатирублевое сукно на сюртукѣ, дрожки и голландская рубашка. Эта причина была въ особенности важна для меня». Какъ видите, не тѣ условія, не та обстановка, но психологическій процессъ какъ у Иртеньева, такъ и у Позднышева одинъ и тотъ же. Удовлетворяясь вѣшностью своей жены, Позднышевъ не удовлетворенъ ея внутреннимъ, нравственнымъ содержаніемъ. Иртеньева привлекаютъ «знанія, простота, честность» его товарищей, но отталкиваетъ ихъ вѣшная непорядочность, вѣтрище, некомилфотность. Какъ Позднышевъ, такъ и Иртеньевъ, въ силу своихъ привычекъ и сословно-традиціонныхъ воззрѣній, придаютъ этой комилфотности до неслѣпой уродливости преувеличенное значеніе и оба впадаютъ, по существу, въ одинаковую ошибку: очарованный комилфотностью, Позднышевъ портитъ свою жизнь, связавъ свою судьбу съ судьбой человѣка, въ нравственномъ смыслѣ нисколько ему не симпатичнаго. Оттолкнутый некомилфотностью, Иртеньевъ вредитъ своимъ умственнымъ и нравственнымъ интересамъ, расходясь съ людьми, къ которымъ лежало его сердце. Ошибка та же самая и причина ея въ обоихъ случаяхъ одна и та же: традиціонное уваженіе къ тому, что не заслуживаетъ даже простаго вниманія. Позднышевъ преклонился передъ локонами и джерси, Иртеньевъ передъ двадцатирублевымъ сукномъ и голландскимъ бѣльемъ и оба получили возмездіе за это пошлѣйшее изъ всѣхъ возможныхъ идолопоклонствъ.

Жена Позднышева, въ общемъ смыслѣ, очевидно, находилась въ томъ же нравственномъ положеніи, какъ и ея мужъ: ея натура была лучше ея привычекъ, ея инстинкты были выше ея понятій. Заботы о фасонѣ платья не могли поглотить ее собою и свѣтская респектабельность ея замужства не могла дать ей счастья. Какъ и Позднышевъ, она мечтала, конечно, о любви, какъ о «союзѣ душъ» и, вмѣсто того, нашла «объятія», *только* объятія. Если бы Позднышевы были оба только свѣтскими людьми, никакой розни между собою они не почувствовали бы и смирно, прилично прожили бы свой вѣкъ, подчинившись и отдавшись «идоламъ свѣта», говоря лермонтовскимъ выраженіемъ. Но, на свою бѣду, они оба были не только свѣтскими людьми, но и людьми въ болѣе высокомъ смыслѣ, и, притомъ, людьми, какъ оказалось, нравственно несимпатичными другъ другу, и отсюда вся мучительная нескладница ихъ жизни, завершившаяся кровавымъ финаломъ. Смыслъ повѣсти Толстаго, выразившійся не только помимо, но и вопреки намѣреніямъ автора, состоитъ вотъ въ чемъ: люди, помните,

что вы носите образъ и подобіе Божіе и потому довѣряйтесь болѣе своему уму, своему чувству и своей совѣсти, нежели какимъ бы то ни было постороннимъ требованіямъ и корпоративнымъ предразсудкамъ. Нельзя чело-вѣку безнаказанно низводить себя на степень животнаго, форму предпочит-ать содержанію, чувство подмѣнять чувственностью. Любите другъ друга, но не какъ самцы и самки, а какъ разумныя существа, для которыхъ жизнь не только благо, но и подвигъ, не только право и наслаждение, но и обязанность, и трудъ. Нельзя брать на себя обязательство прожить вмѣ-стѣ всю жизнь, не имѣя никакихъ общихъ цѣлей и не питая въ сердцахъ ничего, кромѣ скотскаго вожделья. Да предостережетъ васъ отъ этой непоправимой ошибки—больше, отъ этого неискупимаго грѣха—примѣръ моихъ несчастныхъ, исковерканныхъ героевъ, которые возненавидѣли другъ друга именно за то и потому, что смотрѣли другъ на друга какъ на жи-вотныхъ, не уважая и даже не подозрѣвая въ чело-вѣкѣ его лучшихъ, выс-шихъ, *божественныхъ* свойствъ.

Нѣтъ надобности шагъ за шагомъ слѣдить за развитіемъ семейной драмы Позднышевыхъ. Ничего, кромѣ полупрезрительнаго состраданія, не возбуждаютъ ревнивыя терзанія Позднышева, который спустя лѣто по-инелъ по малину и негодуетъ, что приходится возвращаться съ пустыми руками. Почему самкѣ не промѣнять одного самца на другого? Тамъ, гдѣ «супруговъ» связываетъ настоящая, не позднышевская любовь, гдѣ бракъ является не свѣтскимъ, приличнымъ сожительствомъ и не имущественною ассоціаціей, а именно «союзомъ душъ», тамъ не опасны никакія «сопаты», никакіе музыканты и музыкантши, и тамъ нѣтъ мѣста для хронической подо-зрительности и ревности. Фатишекъ и негодяевъ вродѣ Трухачевского доста-точно во всѣхъ «кругахъ» и слояхъ общества, точно также какъ слишкомъ до-статочно распутныхъ женщинъ, не съумѣвшихъ устроить для себя счастье и потому всегда готовыхъ съ особымъ злобнымъ удовольствіемъ нарушить миръ и покой чужой жизни. Но плохъ и ненадеженъ «союзъ», который не можетъ выдержать даже такихъ, вовсе не серьезныхъ испытаній. И опять сошлемся на авторитетъ Толстаго: Левинъ съумѣлъ, съ помощью и съ одобренія своей Кити, безъ всякихъ дикихъ сценъ (хотя, однако, съ недостаточнымъ самообладаніемъ) спровадить наглаго фата Весловскаго, который и остался съ этою нравственною пощечиной на всю жизнь, а «союзъ душъ» Левина и его жены сталъ только еще крѣпче, чище и на-дежиѣ. Позднышевъ кончилъ иначе, потому что началъ иначе: началъ какъ животное, кончилъ какъ звѣрь.

IV.

Такъ разсуждаемъ мы, читатели опытные и, кромѣ того, совершенно независимые относительно авторитета Толстаго. Но въ числѣ сотенъ ты-сячъ или милліоновъ читателей Толстаго много читателей неопытныхъ, ко-торые стали обращаться къ автору съ просьбою «объяснить въ простыхъ

и ясныхъ словахъ то, что онъ думаетъ о предметѣ разсказа подѣ заглавіемъ *Крейцеровъ соната*. Удовлетворяя этому желанію, Толстой написалъ «Послѣсловіе» къ повѣсти, въ которомъ по пунктамъ объясняетъ общественную идею своей повѣсти.

Пунктъ первый. «Хотѣлъ я сказать, во-первыхъ, то, что въ нашемъ обществѣ сложилось твердое, общее всѣмъ сословіямъ и поддерживаемое ложною наукой, убѣжденіе въ томъ, что половое общеніе внѣ брака, не обязывающее мужчинъ ни къ чему, кромѣ денежной платы, есть дѣло совершенно естественное и потому долженствующее быть поощряемымъ. И вотъ я хотѣлъ сказать, что это нехорошо, потому что не можетъ быть того, чтобы для здоровья однихъ людей нужно бы было губить тѣло и души другихъ людей, такъ же, какъ не можетъ быть того, чтобы для здоровья однихъ людей нужно было пить кровь другихъ».

Съ индивидуально-нравственной точки зрѣнія мы ровно ничего не имѣемъ возразить: дѣйствительно, «это нехорошо». Не знаю почему, только мнѣ припоминается здѣсь одинъ старый анекдотъ про хохла, который привелъ своихъ воловъ къ морю на водопой. Волы, конечно, пить не стали и хохоль умозаклучилъ: отъ того въ морѣ и много воды, что никто ее не пьетъ. Право, логика всѣхъ моралистовъ вообще и Толстаго въ особенности сродни этой хохлацкой логикѣ... Неужели проституція существуетъ потому, что ее одобряетъ будто бы какая-то «ложная наука» и она уничтожилась бы, если бы въ одно прекрасное утро мужчины наложии на себя обѣтъ воздержанія? Мнѣ столько разъ приходилось возражать противъ такой точки зрѣнія на общественно-историческія явленія, что я начинаю опасаться чрезмѣрныхъ повтореній. Проституція есть фактъ, вызванный не какими-то гигиеническими и физиологическими требованіями «однихъ людей», а цѣлымъ рядомъ серьезнѣйшихъ соціальныхъ причинъ. Уничтожить этотъ фактъ можно только устранивши производяшія его причины: наприм., нищету, отсутствіе или невозможность труда, а отнюдь не обращеніемъ къ нравственности тѣхъ, кто пользуется этимъ фактомъ, хотя бы то и въ видахъ здоровья. «Не прелюбы сотвори»,—это немножко пораньше *Крейцеровой сонаты* написано.

Пунктъ второй. «Второе то, что въ нашемъ обществѣ, вслѣдствіе взгляда на любовное общеніе не только какъ на необходимое условіе здоровья и на удовольствіе, но и какъ на поэтическое, возвышенное благо жизни, супружеская невѣрность сдѣлалась во всѣхъ слояхъ общества (въ крестьянскомъ, особенно благодаря солдатству) самымъ обычнымъ явленіемъ. И я полагаю, что это нехорошо. Выводъ же, который вытекаетъ изъ этого, тотъ, что этого не надо дѣлать». Какъ видите, опять та же точка зрѣнія, та же самая логика. Хорошо, допустимъ, что у крестьянъ супружеская невѣрность стала обычнымъ явленіемъ, «благодаря солдатству». Что изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ, что для уничтоженія невѣрности нужно уничтожить «солдатство». Толстой, какъ извѣстно, пробовалъ и это и опять-таки по своему обычному способу, а именно, убѣждая всѣхъ отка-

зываются отъ военной службы. «Не войой»,—это одна изъ его заповѣдей. Пожать плечами, да развести руками—вотъ все, что можно, или, по крайней мѣрѣ, все, что стоитъ сдѣлать передъ лицомъ такой удивительной социологіи.

Пунктъ третій. «*Третье* то, что въ нашемъ обществѣ, вслѣдствіе опять того же ложнаго значенія, которое придано плотской любви, рожденіе дѣтей потеряло свой смыслъ, и, вмѣсто того, чтобы быть цѣлью и оправданіемъ супружескихъ отношеній, стало помѣхою для пріятнаго продолженія любовныхъ отношеній, и что потому и внѣ брака, и въ бракѣ, по совѣту служителей врачебной науки, стало распространяться употребленіе средствъ, лишающихъ женщину возможности дѣтороженія. И полагаю я, что это нехорошо». И опять правда: точно, «нехорошо». Но и опять все то же: надо судить по-человѣчеству. Вотъ молодая чета, у которой уже трое дѣтей, а прокормить и какъ слѣдуетъ воспитать они, *по своимъ матеріальнымъ средствамъ*, могутъ только двоихъ: что прикажете дѣлать имъ? Если такъ, если ни въ какомъ банкѣ не лежитъ на текущемъ счету приличной суммы у этихъ пролетаріевъ, то, поучаетъ Толстой, «воздерживайся». Коротко и ясно. *Нашъ* отвѣтъ не столь кратокъ и ясенъ, но, смѣемъ думать, и болѣе цѣлесообразенъ, и болѣе человѣколюбивъ: общество можетъ, а, слѣдовательно, и обязано прокормить и воспитать всѣхъ своихъ будущихъ членовъ, независимо отъ того, имѣются или не имѣются кубышки у ихъ родителей...

Пунктъ четвертый. «*Четвертое* то, что въ нашемъ обществѣ дѣти воспитываются не въ виду тѣхъ задачъ человѣческой жизни, которыя предстоятъ имъ, какъ разумнымъ и любящимъ существамъ, а только въ виду тѣхъ удовольствій, которыя они могутъ доставить родителямъ, и что, вслѣдствіе этого, дѣти людей воспитываются какъ дѣти животныхъ, такъ что главная забота родителей состоитъ не въ томъ, чтобы приготовить ихъ къ достойной человѣка дѣятельности, а въ томъ, чтобы какъ можно лучше напитать ихъ, увеличить ихъ ростъ, сдѣлать ихъ чистыми, бѣлыми, сытыми, красивыми. И въ изнѣженныхъ дѣтяхъ, какъ и во всякихъ перекормленныхъ животныхъ, неестественно рано появляется непреодолимая чувственность, составляющая причину страшныхъ мученій этихъ дѣтей въ отроческомъ возрастѣ. Наряды, чтенія, зрѣлища, музыка, танцы, сладкая пища, вся обстановка жизни, отъ картинокъ на коробкахъ до романовъ, повѣстей и поэмъ, еще болѣе разжигаютъ эту чувственность. И я полагаю, что это нехорошо». На этотъ разъ мы, не торопясь соглашаться, спросимъ: то-есть что же собственно «нехорошо»? Перекармливать дѣтей? Не знаемъ, вѣроятно, нехорошо и это, но наше «нехорошо» совсѣмъ другое, наша забота иная: мы думаемъ, что «нехорошо» не докармливать дѣтей, а это—увы, увы!—очень многимъ между нами, скрѣпя сердце, приходится дѣлать. Конечно, это очень «нехорошо» съ нашей стороны, но, все-таки, упреки Толстаго не къ покаянію настраивать насъ, а вызвать въ насъ чувство страстнаго негодованія. А родители, имѣющіе возмож-

ность перекармливать своихъ дѣтей не только сладкою пищею, но и музыкой, зрѣлищами, танцами и «всею обстановкой жизни»,—эти родители пусть сами обороняются, какъ знаютъ, отъ нападокъ Толстаго.

Пунктъ пятый и послѣдній. «*Пятое* то, что въ нашемъ обществѣ, гдѣ влюбленіе между молодымъ мужчиной и женщиной, имѣющими въ основѣ, все-таки, плотскую любовь, возведено въ высшую поэтическую цѣль стремлений людей, свидѣтельствомъ чего служить все искусство и поэзія нашего общества, молодые люди лучшее время своей жизни посвящаютъ: мужчины—на выглаживаніе, приискиваніе и овладѣваніе наилучшими предметами любви въ формѣ любовной связи или брака, а женщины и дѣвушки—на заманиваніе и вовлеченіе мужчинъ въ связь или бракъ. И отъ этого лучшія силы людей тратятся не только на непроизводительную, но на вредную работу. Отъ этого происходитъ большая часть безумной роскоши нашей жизни, отъ этого—праздность мужчинъ и безстыдство женщинъ, не пренебрегающихъ выставленіемъ по модамъ, заимствованнымъ отъ заведомо развратныхъ женщинъ, вызывающихъ чувственность частей тѣла. И я полагаю, что это «нехорошо». Полнѣйшее хладнокровіе, съ какимъ мы выслушиваемъ *этотъ* упрекъ, является лучшимъ ручательствомъ, что Толстой бьетъ мимо цѣли. Безумная роскошь жизни... праздность мужчинъ... безстыдство женщинъ... Вы, мужчины, «чи руки ноютъ отъ работы вѣчной» и чей «трудъ я созерцаю съ грустью безконечной», и вы, женщины, которыя видятъ роскошь только въ витринахъ магазиновъ, для которыхъ вопросъ о самомъ скромномъ удовольствіи есть именно *вопросъ*, требующій осторожнаго обсужденія,—всѣ вы, стоящіе на своихъ ногахъ и зарабатывающіе жизнь собственными руками,—что скажете вы въ отвѣтъ Толстому? Многое можно сказать, но ограничимся однимъ замѣчаніемъ: «великій писатель земли Русской», кажется, окончательно утратилъ всякое чутье дѣйствительной жизни. Все, что передъ собой онъ видитъ, онъ презираетъ или ненавидитъ, но видитъ онъ только уголокъ жизни.

М. Протопоповъ.